
Талия Гейл
То,
что
открывается
позже

Талия Гейл

То, что открывается позже

«Автор»
2026

Гейл Т.

То, что открывается позже / Т. Гейл — «Автор», 2026

Моё творчество — это тихие, очень личные истории о моментах, когда земная логика отступает. Сюжеты, которые люди осознают не в секунду происшествия, а спустя время. Опыт, которым не с каждым поделишься, ведь реакция окружающих бывает так непонятнаЯ приглашаю вас пройтись по страницам моих наблюдений и размышлений. Возможно, в ком-то из героев вы узнаете себя, а в чьём-то откровении или семейной тайне найдёте ответ на собственный давний вопрос.

© Гейл Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Посиделки у Вали. А вокруг стекло 5
Глава 2 10
Посиделки у Вали. Это его будущее 10
Глава 3 13
Посиделки у Вали. Фарт пошёл 13
Глава 4 16
Посиделки у Вали. Мистика развода 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Талия Гейл
То, что открывается позже

Глава 1

Посиделки у Вали. А вокруг стекло

До миллениума оставалось ещё лет восемь. СССР уже распался, но осознание этого ещё не пришло — люди жили по инерции, нащупывая новую реальность. Шёл март. В южной республике весна вовсю брала своё: днём пригревало ласковое солнце, набухали почки, воздух пах влажной землёй и молодой травой, и народ потихоньку перебирался в лёгкие куртки и плащи. Но вечерами всё ещё тянуло прохладой, и девчонки любили собираться у Вали в однокомнатной квартире — на большой застеклённой лоджии, где стоял старый обогреватель и всегда пахло выпечкой. Это было уютное, почти салонное место. Там знакомились, сплетничали, пили горячий чай со сладостями, которых всегда было вдоволь, потому что никто не приходил с пустыми руками.

Да и Валя классно гадала. Очередной расклад слушали всей компанией, затаив дыхание, а потом бурно обсуждали: делились, у кого что сбылось и как на самом деле повернулись события. В один из таких вечеров разложила Валя карты и посмотрела на Нину:

— Вижу поезд, и вокруг стекло.

— Это авария?! — испуганно спросила Нина.

— Нет, просто вокруг стекло. Девчонки зашумели наперебой:

— Валя, а как ты вообще в картах поезд увидела?

— Нин, а ты не говорила, что куда-то собралась!

— Действительно, даже в планах нет, — пожала плечами Нина.

— Да если и соберёшься поехать, билеты сразу не взять — надо заранее, месяца за два.

***

Но судьба распорядилась иначе уже через неделю. Сначала Нина случайно столкнулась на улице с подругой Лерой — та разругалась с матерью, ушла из дома и искала угол. Нина без лишних раздумий отдала ей ключи от пустующей бабушкиной квартиры. А спустя несколько дней Лера позвонила сама:

— Нинка, бросай всё, рванём на этой неделе в Москву!

— Да у меня и денег нет, и дел там никаких, — начала было Нина, но в голове тут же всплыл Валин расклад: «Вижу поезд...»

— На что поедем-то? И где билеты возьмём?

— У меня папик появился, в твоей квартире встречаемся! Десять тысяч баксов подарил — гуляем! Я всё оплачу: и билеты в оба конца, и на жизнь в Москве тебе дам. Бери паспорт, дуй на вокзал, я там тебя жду.

На вокзале у касс стояла привычная для тех лет безнадёжная очередь, но девчонкам повезло: к ним подошли двое скучающих офицеров. За небольшую доплату они пообещали снять военную бронь на завтрашний московский поезд. Нина только ахнула: дорожка явно вилась сама. Выбора особого не было — офицеры достали плацкарт, но в те дни люди готовы были ехать хоть на подножке, лишь бы доехать куда надо.

На следующий день девушки уже устраивались на своих местах. Уезжали они из тёплой южной весны, но в Москве в марте ещё лежали сугробы по колено, поэтому пришлось тащить с собой сумку с зимними пальто и сапогами. Нина с усилием подняла тяжёлую крышку нижней полки и поставила сумку в багажное отделение.

Поезд тронулся — впереди были двое суток пути на север. За окном постепенно менялся мир: сначала мелькала зелёная дымка степей, потом потянулась серая распутица с голыми чёрными перелесками, а ближе к центру России пейзаж и вовсе побелел, затянулся настоящим снегом и свинцовым небом.

В самом вагоне жизнь гудела как на ярмарке. По проходу непрерывно сновали коробейники, продавая то, чем с ними вместо зарплаты расплачивались предприятия: кто отрезы ситца, кто копчёную колбасу, кто огромных плюшевых медведей. Тётки с верхних полок азартно торговались, мужики в спортивных костюмах резались в карты и дымили в тамбуре.

С первого дня пути на Нину положил глаз видный мужчина с этого же вагона. По всему было видно — из тех вчерашних работяг, на кого внезапно свалились шальные деньги: едет в плацкарте просто потому, что купе не достать, а куражу в нём на целый ресторан. Он не сводил с Нины восхищённого взгляда, пытался заговорить, а когда мимо потянулись торговцы с хрусталём, вдруг оживился.

— Эй, земляк, давай сюда! — окликнул он мужика с коробками.

Мужчина купил тяжёлую резную вазу и молча поставил её на столик перед Ниной. Прошёл ещё час, появился новый продавец — и на столе выросла вторая ваза, потом третья. Скоро места на узком столике не осталось совсем: варёные яйца и курица в фольге оказались зажаты в углу, а хрусталь уже перекочевал на пол под ноги. Вазы переливались в тусклом свете вагонных окон и тихо, мелодично звенели в такт стуку колёс.

Весь плацкартный отсек свернул шеи. Соседи с соседних полок перестали жевать и таращились на их столик с открытыми ртами, как на киноэкран. Лера давилась смехом, пихая Нину локтем в бок, а сама Нина смотрела на эту сверкающую гору и вдруг замерла: «Так вот оно что... Поезд, и вокруг стекло!»

В тесном плацкарте, где на каждом сантиметре сидели любопытные попутчики, уединиться было негде, да и Нина не спешила. Когда мужчина в очередной раз заглянул в их отсек, чтобы пристроить на тесном столике новую вазу, она перехватила его взгляд и вполголоса, чтобы не слышали соседи, сказала:

— Вы мне очень симпатичны, и вазы эти чудесные, но здесь же не поговоришь толком наедине. Давайте в Москве встретимся? Мужчина замялся, отвёл глаза — то ли женатый, то

ли командировочный, у которого всё время расписано по минутам, — и разговор сам собой сошёл на нет.

Перед самым перроном, уже натянув зимнее пальто и сапоги, Нина оглядела хрустальное великолепие у своих ног.

— Спасибо вам за прекрасную дорогу и за такое внимание, — улыбнулась она. — Можно я вот эти две возьму себе на память?

— Забирай все! — махнул он рукой с прежним куражом.

Вышли на перрон в столице - мороз щиплет щёки, снег под сапогами хрустит, а у девушек в руках по сверкающей хрустальной вазе. В шесть утра, заиндевевшие с мороза, они ввалились в квартиру к Лериной тётке — и с порога выяснилось, что у той сегодня день рождения. Одна ваза тут же сгодилась на царский подарок.

Переночевав, Нина собралась уезжать к своей московской знакомой, которая, узнав о её приезде, с радостью пригласила погостить. На прощание рыжая Лера, щедрая на волне счастья от внезапного богатства, отсчитала Нине пачку купюр — на жизнь в столице и на обратный билет. Девушки обнялись, и Нина поехала на другой конец города, прижимая к себе вторую хрустальную вазу.

****

На лоджию в квартире Вали Нина вернулась только спустя два с лишним месяца, когда на дворе уже стояло настоящее лето. В самой Москве она пробыла недолго, но дела, закрутившиеся после той поездки, так её захватили, что до девчат она добралась только сейчас.

Вечером она снова сидела за столом, с удовольствием ловя восхищённые взгляды подруг, и допивала остывший чай.

— Ну надо же, — качала головой Валя, вертя в руках колоду.

— Никогда бы не подумала, что «вокругДо миллениума оставалось ещё лет восемь. СССР уже распался, но осознание этого ещё не пришло — люди жили по инерции, нащупывая новую реальность.Шёл март. В южной республике весна вовсю брала своё: днём пригревало ласковое солнце, набухали почки, воздух пах влажной землёй и молодой травой, и народ потихоньку перебирался в лёгкие куртки и плащи. Но вечерами всё ещё тянуло прохладой, и девчонки любили собираться у Вали в однокомнатной квартире — на большой застеклённой лоджии, где стоял старый обогреватель и всегда пахло выпечкой. Это было уютное, почти салонное место. Там знакомились, сплетничали, пили горячий чай со сладостями, которых всегда было вдоволь, потому что никто не приходил с пустыми руками.

Да и Валя классно гадала. Очередной расклад слушали всей компанией, затаив дыхание, а потом бурно обсуждали: делились, у кого что сбылось и как на самом деле повернулись события.В один из таких вечеров разложила Валя карты и посмотрела на Нину:— Вижу поезд, и вокруг стекло.— Это авария?! — испуганно спросила Нина.— Нет, просто вокруг стекло.Девчонки зашумели наперебой:— Валя, а как ты вообще в картах поезд увидела?— Нин, а ты не говорила, что куда-то собралась!— Действительно, даже в планах нет, — пожала плечами Нина.— Да если и соберёшься поехать, билеты сразу не взять — надо заранее, месяца за два.

Но судьба распорядилась иначе уже через неделю. Сначала Нина случайно столкнулась на улице с подругой Лерой — та разругалась с матерью, ушла из дома и искала угол. Нина без лишних раздумий отдала ей ключи от пустующей бабушкиной квартиры. А спустя несколько дней Лера позвонила сама:— Нинка, бросай всё, рванём на этой неделе в Москву!— Да у меня и денег нет, и дел там никаких, — начала было Нина, но в голове тут же всплыл Валин расклад: «Вижу поезд...» — На что поедем-то? И где билеты возьмём?— У меня папик появился, в твоей квартире встречаемся! Десять тысяч баксов подарил — гуляем! Я всё оплачу: и билеты в оба конца, и на жизнь в Москве тебе дам. Бери паспорт, дуй на вокзал, я там тебя жду.

На вокзале у касс стояла привычная для тех лет безнадёжная очередь, но девчонкам повезло: к ним подошли двое скучающих офицеров. За небольшую доплату они пообещали снять военную бронь на завтрашний московский поезд. Нина только ахнула: дорожка явно вилась сама. Выбора особого не было — офицеры достали плацкарт, но в те дни люди готовы были ехать хоть на подножке, лишь бы доехать куда надо.

На следующий день девушки уже устраивались на своих местах. Уезжали они из тёплой южной весны, но в Москве в марте ещё лежали сугробы по колено, поэтому пришлось тащить с собой сумку с зимними пальто и сапогами. Нина с усилием подняла тяжёлую крышку нижней полки и поставила сумку в багажное отделение.

Поезд тронулся — впереди были двое суток пути на север. За окном постепенно менялся мир: сначала мелькала зелёная дымка степей, потом потянулась серая распутица с голыми чёрными перелесками, а ближе к центру России пейзаж и вовсе побелел, затянулся настоящим снегом и свинцовым небом.

В самом вагоне жизнь гудела как на ярмарке. По проходу непрерывно сновали коробейники, продавая то, чем с ними вместо зарплаты расплачивались предприятия: кто отрезы ситца, кто копчёную колбасу, кто огромных плюшевых медведей. Тётки с верхних полок азартно торговались, мужики в спортивных костюмах резались в карты и дымили в тамбуре.

С первого дня пути на Нину положил глаз видный мужчина с этого же вагона. По всему было видно — из тех вчерашних работяг, на кого внезапно свалились шальные деньги: едет в плацкарте просто потому, что купе не достать, а куражу в нём на целый ресторан. Он не сводил с Нины восхищённого взгляда, пытался заговорить, а когда мимо потянулись торговцы с хрусталём, вдруг оживился.— Эй, земляк, давай сюда! — окликнул он мужика с коробками.

Мужчина купил тяжёлую резную вазу и молча поставил её на столик перед Ниной. Прошёл ещё час, появился новый продавец — и на столе выросла вторая ваза, потом третья. Скоро места на узком столике не осталось совсем: варёные яйца и курица в фольге оказались зажаты в углу, а хрусталь уже перекочевал на пол под ноги. Вазы переливались в тусклом свете вагонных окон и тихо, мелодично звенели в такт стуку колёс.

Весь плацкартный отсек свернул шеи. Соседи с соседних полок перестали жевать и таращились на их столик с открытыми ртами, как на киноэкран. Лера давилась смехом, пихая Нину локтем в бок, а сама Нина смотрела на эту сверкающую гору и вдруг замерла: «Так вот оно что... Поезд, и вокруг стекло!»В тесном плацкарте, где на каждом сантиметре сидели любопытные попутчики, уединиться было негде, да и Нина не спешила. Когда мужчина в очередной раз заглянул в их отсек, чтобы пристроить на тесном столике новую вазу, она перехватила его взгляд и вполголоса, чтобы не слышали соседи, сказала:— Вы мне очень симпатичны, и вазы эти чудесные, но здесь же не поговоришь толком наедине. Давайте в Москве встретимся?Мужчина замялся, отвёл глаза — то ли женатый, то ли командировочный, у которого всё время расписано по минутам, — и разговор сам собой сошёл на нет.

Перед самым перроном, уже натянув зимнее пальто и сапоги, Нина оглядела хрустальное великолепие у своих ног.— Спасибо вам за прекрасную дорогу и за такое внимание, — улыбнулась она. — Можно я вот эти две возьму себе на память?— Забирай все! — махнул он рукой с прежним куражом.

Вышли на перрон в столице — мороз щиплет щёки, снег под сапогами хрустит, а у девушек в руках по сверкающей хрустальной вазе. В шесть утра, заиндевевшие с мороза, они ввалились в квартиру к Лериной тётке — и с порога выяснилось, что у той сегодня день рождения. Одна ваза тут же сгодилась на царский подарок. Переночевав, Нина собралась уезжать к своей московской знакомой, которая, узнав о её приезде, с радостью пригласила погостить. На прощание рыжая Лера, щедрая на волне счастья от внезапного богатства, отсчитала Нине пачку купюр — на жизнь в столице и на обратный билет. Девушки обнялись, и Нина поехала на другой конец города, прижимая к себе вторую хрустальную вазу.

На лоджию в квартире Вали Нина вернулась только спустя два с лишним месяца, когда на дворе уже стояло настоящее лето. В самой Москве она пробыла недолго, но дела, закрутившиеся после той поездки, так её захватили, что до девчат она добралась только сейчас. Вечером она снова сидела за столом, с удовольствием ловя восхищённые взгляды подруг, и допивала остывший чай.— Ну надо же, — качала головой Валя, вертя в руках колоду. — Никогда бы не подумала, что «вокруг стекло» — это хрустальные вазы в плацкарте!— А дальше-то что было? — не унимались девчонки. — Зачем тебя в Москву вообще позвали? К кому вы ездили?Нина хитро улыбнулась и подвинула к себе тарелку с печеньем:— Ой, девочки, там такое началось, что за один вечер не расскажешь. Давайте лучше Валя мне снова карты раскинет, проверим, куда меня в этот раз занесёт. стекло» — это хрустальные вазы в плацкарте! — А дальше-то что было? — не унимались девчонки.

— Зачем тебя в Москву вообще позвали? К кому вы ездили? Нина хитро улыбнулась и подвинула к себе тарелку с печеньем:

— Ой, девочки, там такое началось, что за один вечер не расскажешь. Давайте лучше Валя мне снова карты раскинет, проверим, куда меня в этот раз занесёт.

Глава 2

Посиделки у Вали. Это его будущее

Нина с хрустальной вазой ехала по Москве к своей землячке. Ей было так радостно от самой возможности увидеть столицу, что казалось: Москва сама встречает её и кружится вокруг, показывая, какая она красивая. Нина не замечала ни мусора на тротуарах, ни чёрных, залёжанных сугробов на обочинах, ни угрюмых прохожих в меховых шапках, зябко кутавшихся в воротники, ни резких окликов на остановках — всей той серой картины распадающейся страны. У неё шёл свой, тихий и счастливый внутренний диалог с городом.

Сколько же было радости при встрече с Ритой! Та перебралась в столицу года три назад, снимала однокомнатную квартиру, где жила вместе со своим мужчиной и двумя детьми. Но в этой тесной, дружной компании для Нины сразу нашлось место — на кухне, на узком диванчике.

На следующий день позвонил муж Нины — Гена. От общих знакомых он уже прознал, что жена в Москве. Они разбежались больше года назад, и Гена давно жил с новой подружкой в её квартире, но официально брак так и не расторгли. Он попросил о встрече в старой чебуречной недалеко от Сухаревской.

В забегаловке пахло жареным тестом, и дешёвым кофе из титана. Гена сидел за высоким столиком у окна. Нина сразу узнала на нём потёртую тёмно-синюю болоньевую куртку на меху — ту самую, в которой он когда-то ездил зимой в горы. Под ней виднелся растянутый серый свитер, на ногах — сбитые ботинки. Лицо у него осунулось, под глазами залегли тени, взгляд то и дело бегал по сторонам: то ли и правда перебивался случайными заработками, то ли специально прибеднялся перед женой.

Сначала он лениво расспрашивал о родном городе, об общих знакомых, но по всему было видно — есть что-то главное, на что он никак не решается. Наконец Гена отодвинул пустой стакан и выпалил: — Ты же знаешь, я не могу вернуться домой — у меня там большие проблемы. Прошу тебя, давай оформим у нотариуса документы, чтобы подать на развод без моего личного присутствия на родине. Я тебе дам денег на все расходы. — Да ты что?! — возмутилась Нина. — Как только я с тобой разведусь, все твои проблемы мгновенно станут моими! Твои недруги только и ждут, что ты к семье вернёшься — я с дочкой для них как в залоге. — Нина, помоги, по-человечески прошу! Я здесь женщину нашёл, она готова со мной расписаться и прописать в Москве. Понимаешь, я же никто здесь без прописки, не могу на нормальную работу устроиться — одни мелкие шабашки, ни к врачу сходить. — Нет. И не звони Рите больше, я всё равно не подойду к телефону. Нина резко встала, положила на стойку деньги за свой кофе и вышла на улицу.

Она шла по Москве, разглядывая величественные старинные здания, заснеженные скверы, нахохлившихся голубей, и в душе у неё царило странное умиротворение. Ни плохих, ни хороших мыслей не было — только чистое наслаждение городом, в котором она оказалась всего второй раз в жизни. Она перебирала в памяти знакомые с детства названия, думая, куда бы ещё заглянуть, но погулять долго не удалось.То, что на юге считалось тёплой зимней одеждой, для московского марта с его колючим, промозглым ветром годилось мало: Нина быстро продрогла в своём южном пальто и лёгких полусапожках. Пришлось спуститься в метро, чтобы доехать до Риты. Оказавшись внизу, она с интересом разглядывала величественные своды «Площади Революции», гладила на удачу бронзовые носы пограничных собак, а потом в вагоне, прислушиваясь к объявлениям диктора, на каждой остановке разглядывала названия станций на мраморных стенах.

Выйдя из метро на окраине и направившись в сторону Ритиного дома, Нина вдруг сбилась с шага — что-то слева словно притянуло её взгляд. Прямо у входа в подземку, на грязном утоптанном снегу, на подстилке из рваных картонных коробок стоял на коленях человек. Он сложил руки на груди в немой мольбе. Нина смотрела и смотрела на него, не в силах сдвинуться с места. Взгляд против воли впитывал каждую страшную подробность: обветренное лицо в тёмных пятнах и гнойных коростах, спутанные волосы, распухшие пальцы с чёрными от въевшейся грязи ногтями.

Она не могла ни отвести глаза, ни зажмуриться. В голове зазвенели, зарезвились странные, чужие голоса: «Это его будущее... Это его будущее... Не дадим ему развод, не дадим — вот его будущее...».

Сколько она так простояла — мгновение или вечность — Нина не знала. Наконец ей удалось сделать резкое движение, словно сбросить невидимое оцепенение, которое держало её голову.

Не помня себя, Нина почти бегом добралась до Ритиной квартиры, и по дороге вся цепочка странных событий вдруг сложилась в единый, ошеломляющий узор. И Валины карты, и внезапная щедрость рыжей Леры, оплатившей всю поездку, и офицеры с билетами у касс, и даже тот щедрый попутчик с хрусталём, благодаря которому две непутёвые южанки приехали в Москву не с пустыми руками, — всё это было не случайностью. Видимо, Гена в отчаянии так сильно молил небо о помощи, что сама Вселенная подхватила Нину, выдала ей денег на дорогу и привезла сюда. Но думала Нина сейчас вовсе не о жалости к бывшему мужу — она думала только о себе. Её пронзила другая, куда более глубокая и откровенно эгоистичная мысль: высшие силы специально привезли её сюда, открыли перед ней полную картину настоящего и показали, чем обернётся её упрямство, но оставили право выбора за ней. И вдруг стало невыносимо тяжело от осознания, что своим отказом она вешает на себя непосильную ношу — берётся решать чужую судьбу, а потом самой же и расплачиваться за это.

Нина поняла, что не хочет быть ни его заложницей, ни его судьёй. В глубине души сработал древний, безошибочный закон самосохранения: не делай другому того, чего не хочешь, чтобы случилось с тобой. Дать ему развод — значит просто разжать пальцы, стряхнуть с себя чужую ответственность и вернуть человеку законное право самому распоряжаться своей жизнью.

И странное дело — тяжесть, которая давила на плечи со вчерашнего звонка мужа, в ту же секунду испарилась.

Не раздеваясь, Нина опустилась на табурет в прихожей и дрожащими пальцами набрала на диске телефона номер Гены: — Гена, я даю тебе развод. Когда пойдём к твоему нотариусу оформлять бумаги? Завтра в одиннадцать? Хорошо, я приеду.

На следующий день Нина шла по весенней Москве, сжимая в сумке две нотариальные бумаги: его официальное согласие на развод и доверенность на получение с его сберкнижки всего, что там есть (сумма была эквивалентна тысяче долларов) — эти деньги предназначались на все расходы по оформлению развода, и снять их в местной валюте ей предстояло уже дома, по приезде.

Сначала она не могла понять, что изменилось вокруг, но вдруг с абсолютной ясностью почувствовала: «Москва закрылась». Город, который ещё вчера ласково кружился вокруг неё, вдруг стал чужим, глухим и холодным. Всё, ради чего высшие силы привели её сюда, свершилось.

Вернувшись к Рите, Нина быстро собрала вещи и засобиралась в аэропорт. Подруга всплеснула руками: — Ты хоть сумку оставь, зачем с ней по всему городу таскаться? Ещё неизвестно, на какое число билет возьмёшь! — Милая моя Рита, я сегодня же улечу. Понимаешь, Москва закрылась — меня здесь больше не должно быть. На дорогу домой деньги у Нины были: она человек не бедный, но планов тратить свои средства на эту странную поездку в Москву у неё не было, да и Лера перед расставанием щедро отсыпала ей на жизнь в дорогой столице, а пробыла Нина здесь всего несколько дней — так что на самолёт хватало с запасом.

В эропорту у касс гудели длинные очереди, и почти на все направления пассажирам сухо отвечали: «Билетов нет». Но стоило Нине подойти к окошку, как кассирша подняла на неё глаза и спокойно сказала: — Подойдите минут через пятнадцать. Сейчас снимут бронь, и я выпишу вам билет на ближайший рейс. Через пару часов Нина уже сидела у иллюминатора, глядя, как далеко внизу остаётся заснеженная Москва.

Глава 3

Посиделки у Вали. Фарт пошёл

На застеклённой лоджии у Вали стоял тёплый летний вечер. За окном в густых сумерках стрекотали сверчки. Нина, не появлявшаяся здесь больше двух месяцев — с самой той поездки в столицу, — только что закончила рассказ о приключениях в плацкарте с хрустальными вазами . Но девчонки не унимались — им хотелось знать всё: — Ну ладно, с вазами понятно, — подливая всем горячего чая, сказала Валя. — А дальше-то что было? К кому вы ездили? И почему ты после Москвы на два месяца как в воду канула? Нина хитро улыбнулась, подвинула к себе тарелку с печеньем и оглядела любопытные лица подруг: — Ой, девочки, там такое началось, что за один вечер не расскажешь. Но если совсем коротко — съездила я не зря. В Москве встретилась с Геной и привезла от него две нотариальные бумаги: официальное согласие на развод и доверенность на закрытие его сберкнижки.

— Ничего себе! — ахнули на лоджии. — Так ты всё-таки решила разводиться?! — Решила. И вот слушайте, как я эти деньги в сберкассе получала — такое нарочно не придумаешь! Прилетела я из Москвы ночью. Дочку от мамы забирать не стала — поздно уже, да и летние каникулы в самом разгаре. Встала под душ, а спать не хочется: в самолёте немного вздремнула, да и сам этот развод казался мне чем-то запредельным. Я же толком даже не знала, где суд находится и какие справки туда нужно собирать! Разложила на столе бумаги и решила: начинать надо с денег, чтобы было на что пошлины платить. — Ну да, в сберкассах сейчас пусто, наличности днём с огнём не сыщешь, — вздохнула Валя, пододвигая подруге вазочку с вареньем. — Наверное, весь год теперь будешь по крохам вынимать? — Я тоже так думала! — хитро прищурилась Нина. — Открыла сберкнижку, смотрю — на последней странице уже свежий банковский штамп стоит: вклад прошёл недавнюю денежную реформу, когда государство одним росчерком лишние нули отсекло. Остаток на счёте всё равно внушительный — по нашим голодным временам целое состояние. Прикинула я в голове план, легла поспать часика три, а утром пошла в сберкассу чуть раньше открытия, чтобы стариков в очереди за пенсией не обгонять и в духоте не томиться. — И что, дали? — хором спросили девчонки.

— Слушайте дальше! Едва двери отворились, я первой к окошку подхожу. Кассирша — молодая, невыспавшаяся девица с каменным лицом — берёт мой паспорт, разворачивает доверенность, раскрывает сберкнижку и, даже толком не вглядевшись в записи, размашистым росчерком шариковой ручки перечёркивает каждый лист на развороте! Я даже мяукнуть не успела, как она берёт книжку двумя руками — и хрясь! Рвёт её пополам ровно по центру! На лоджии ахнули. — Да ты что?! — всплеснула руками одна из подруг. — Испортила документ?! — У меня в горле пересохло, голос вообще пропал! — продолжала Нина, входя в раж. — А она спокойно так открывает кассу и кладёт в лоток жалкую горстку бумажных купюр — ровно в тысячу раз меньше того, что на счёте лежало. И говорит: «Возьмите. Следующий!» Тут ко мне голос вернулся, я не своим голосом спрашиваю: «Погодите, девушка, вы что сейчас сделали?!» А она устало так: «Провела обмен на новые деньги», — и тянется за папкой с инструкцией. Тут уж я не выдержала, взвизгнула на всю кассу: «Да вы посмотрите получше! Эта книжка уже прошла эту вашу процедуру!» — Ой, мама дорогая... И что она? — затаили дыхание девчонки. — Глянула она на меня, потом уткнулась в этот разорванный, исчерканный документ и прямо на глазах побледнела как мел! Видно, сообразила, что за порчу строгой банковской отчётности её по головке не погладят — это же акты составлять, объяснительные писать, нагоняй от начальства получать. Молча поднялась со стула и ушла в соседнюю комнату. Через пару минут возвращается, суёт мне в окошко бланк расходного ордера: «Подпишите здесь и здесь, закрытие счёта оформляем». Пока я дрожащей рукой расписывалась, она начала молча выкладывать передо мной тугие пачки купюр, перетянутые банковскими лентами! Лоджия взорвалась смехом.

— Всю кассу тебе выгребла?! — До копейки! А я-то к такому повороту не готова — шла с маленькой сумочкой, думала, унесу дневную норму в кошельке, а тут целая бумажная гора.

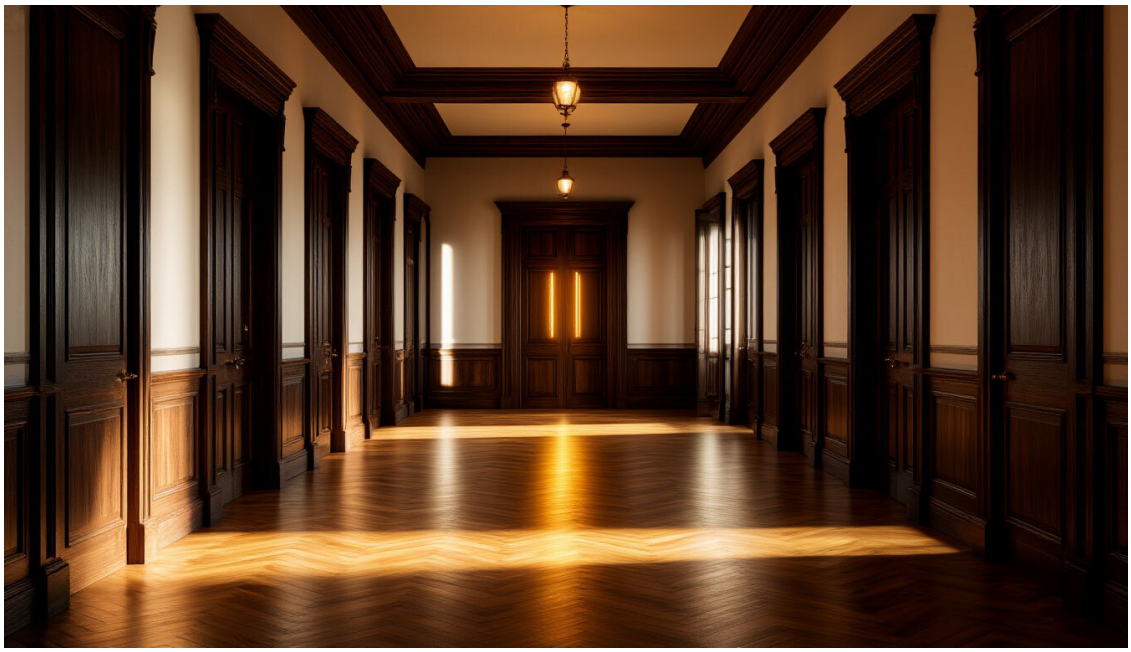
Хорошо, у меня, как у всякой запасливой хозяйки, на дне сумки лежал сложенный дефицитный целлофановый пакет с группой ABBA, где на переднем плане красовался их гитарист с гитарой наперевес. Я эти пачки туда аккуратно уложила, сверху сумочкой прикрыла, чтобы в глаза не бросалось, и пошла на выход — вместо солидного кожаного дипломата с раздувшимся целлофановым пакетом! Прохожу вдоль сидящих на скамейке стариков, ждущих своей очереди, а самой так неловко стало: поняла, что скорее всего оставила их без пенсии на сегодня.

— Не страшно было одной с такими деньжищами по улице идти? — спросила Валя. — На улице я держалась с каменным лицом, спину прямо, поймала такси и доехала до дома. Зато стоило дверь запереть — вся выдержка испарилась! Носилась по комнатам, хваталась то за одно, то за другое и твердила вслух как заклинание: «Фарт пошёл, фарт пошёл!» Потом заварила крепкий кофе, забралась с ногами на диван, смотрела в окно на зелёные ветки и чувствовала: мир сам передо мной дорогу расчищает. Останавливаться нельзя — допила кофе, схватила папку с бумагами и поехала в суд.

— Ой, ну хорош завирать! «Мир ей дорогу расчищает»! — не выдержала одна из подруг. Лоджия тут же взорвалась общим смехом, и напряжение как рукой сняло. Нина глянула на часы и всплеснула руками: — Ой, девочки, да поздно-то уже как! Всё остальное через неделю доскажу — всем же утром на работу, а мне ещё на метро двадцать минут ехать. Девчонки тоже засуетились и засобирались по домам — и правда засиделись, да и хозяйка уже устала.

Глава 4

Посиделки у Вали. Мистика развода

Прошла неделя. На застеклённой лоджии у Вали снова собралась вся компания — вечер выдался по-летнему душным, окна распахнули настежь, и в комнату тянуло сладковатым запахом ночного города и тёплой пыли. Валя разливала по чашкам свежий чай, а девчонки с нетерпением поглядывали на Нину: в прошлый раз она так и не договорила, остановившись на самом интересном месте — на том, как приехала домой с полным целлофановым пакетом купюр.

— Ну, Нина, не томи! — не выдержала одна из подруг, пододвигая к себе вазочку с вареньем.

— Деньги ты из кассы вынесла, фарт пошёл, а дальше-то что? Как в суде всё прошло? — И главное — как недруги Гены на это отреагировали? — тихо добавила Валя, накрывая заварник расшитым полотенцем.

— Ты же так боялась, что развода они тебе не простят.

Нина отпила горячего чая, задумчиво посмотрела в тёмное окно и усмехнулась: — Ой, девочки, если бы мне кто-то заранее сказал, как всё обернётся, я бы в жизни не поверила. Взяла я тогда деньги, папку с бумагами и поехала в районный суд.

***

Приехала она к одиннадцати. В душном коридоре гудел настоящий муравейник — люди сновали туда-сюда, кто-то ругался в очереди, кто-то листал растрёпанные тетрадки на подоконниках. Изучив выцветшее расписание на стенде, Нина поняла две вещи: её судья принимает только после обеда, а до этого нужно успеть объехать несколько инстанций, чтобы собрать недостающие справки.

И тут она наблюдала ту самую волну невесомой удачи, что началась ещё в сберкассе. Фарт работал безотказно. В каждой конторе, куда она заходила, нужные люди словно ждали именно её — все сидели на местах, никто не ушёл на перерыв, не заболел и не придирался к запятым. Бумажки ложились в папку одна за другой за считанные минуты. Нина только диву

давалась: в обычное время каждая такая справка выбивалась буквально с боем, через нервы и многочасовые очереди, а тут двери распахивались сами собой.

Окрылённая, ровно к концу обеденного перерыва она вернулась в суд — и замерла на пороге. От утренней толпы не осталось и следа. Коридор был пуст и гулок, а кабинет её судьи оказался закрыт.

Нина растерянно огляделась, поймала в конце коридора пробегающую мимо секретаршу с кипой папок и услышала приговор:

— А она в отпуске со вчерашнего дня. Приходите через месяц.

Нина осталась стоять посреди пустого коридора, чувствуя, как внутри всё холодеет. В голове не укладывалось: как так? У неё сегодня идёт такой бешеный фарт, всё складывается одно к одному — и вдруг судья в отпуске?! Нет, такого просто не может быть.

В тишине коридора вдруг отчётливо застучала пишущая машинка. Звук доносился из-за соседней массивной двери. Нина подошла, коротко постучала и, не дожидаясь ответа, приоткрыла створку:

— Извините, а вы судья? Из глубины кабинета, не отрываясь от бумаг, раздался сухой, властный женский голос:

— Да. Закройте дверь!

Нина послушно прикрыла дверь, но отходить не стала. Внутри неё вспыхнуло настоящее пламя — упрямое, горячее, не терпящее возражений. Фарт же! Разве можно отступать в шаге от цели? Она принялась мерить шагами пустой коридор от стены до двери, шепча про себя как заклинание, вкладывая в каждое слово всю свою волю:

— Ты меня сейчас примешь и сделаешь, как мне надо… Ты меня сейчас примешь и сделаешь, как мне надо…

Сделав пару кругов, она снова приоткрывала дверь.

— Закройте дверь! — раздражённо бросали из-за стола. Она закрывала, делала ещё три круга с тем же упрямым шёпотом и снова тянула ручку на себя. Когда дверь приоткрылась в четвёртый или пятый раз, стук машинки оборвался. Властный голос заметно сбавил обороты и с обречённым вздохом произнёс:

— Ну, войдите уже. Что вы хотите? Нина шагнула в кабинет, подошла прямо к столу, выложила перед судьёй приготовленные купюры и чётко, глядя прямо в глаза, сказала:

— Мне нужен развод. И быстро. Судья медленно подняла взгляд от денег на Нину, оценивающе прищурилась:

— А почему вы обратились ко мне?

— Потому что моя судья в отпуске.

— Покажите документы.

Нина протянула папку. Судья бегло пролистала свежие, ещё пахнущие чернилами справки, на секунду задержалась на свидетельстве о рождении и покачала головой:

— Вы знаете, так как у вас есть ребёнок, по закону раньше чем через два месяца я развести вас не смогу. При всём желании.

— Хорошо, — спокойно кивнула Нина, чувствуя, что главная задача решена.

— Два месяца так два месяца.

***

На лоджии повисла тишина, нарушаемая только тихим стрекотом сверчков за окном. Нина поставила пустую чашку на блюдце и обвела подруг хитрым взглядом: — Конечно, для всех вокруг — и для знакомых, и для лишних ушей — я потом говорила, что все эти два месяца бегала, собирала справки и с трудом пробивала этот развод. А на самом-то деле вопрос решился за пять минут при пустом коридоре.

— Погоди, а дальше-то что было?! — ахнула Валя, подаваясь вперёд. Два месяца — срок немалый! А те люди, которых ты так боялась? Нина только рукой махнула и с лёгкой, упрямой улыбкой вскинула подбородок:

— А ничего, девочки, не происходило. Вообще ничего. Как отрезало. Когда срок подошёл, я забрала решение, отправила документы заказной почтой в Москву — и никто ничего не знает. Остались мы с дочкой одни. Но ничего, пробьёмся!

***

Эпилог

После того вечера Нина продолжала приходить к Вале на лоджию, пила чай и слушала истории подруг.

А потом до неё через людей стали доходить слухи. Оказалось, что все те Генины недруги, от которых он когда-то бежал в столицу, куда-то сгинули. Кто-то вскоре умер, кого-то посадили, кто-то сам пустился в бега. Ни один человек за всё это время так и не пришёл к ней с претензиями за то, что она посмела развестись. Словно невидимая рука расчистила перед ней дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.